

НАША СТРАНА

Год издания—42-ой. Буэнос Айрес, суббота 4 августа 1990

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, sábado 4 de agosto de 1990

№ 2087

ПОСЛАНИЕ АРХИЕРЕЙСКОГО СОБОРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ

Верным пастырям и возлюбленной пастве нашей

Волею Божиею, часть единой Российской Церкви в 1920 году оказалась, в результате кровавой революции, за пределами родины, где тридцать четыре епископа, во главе с Митрополитом Киевским Антонием, основали Русскую Православную Церковь Заграницей. Паствой нашей Церкви явились беженцы со всех концов России. Таким образом, наша Церковь существует семьдесят лет. Теперь в нее влились многие инославные христиане, принявшие православную веру. В основание Заграницей части Российской Церкви положены церковные каноны, определения Всероссийского Собора 1917-18 годов и указ Святейшего Патриарха Тихона от 1920 года. Высшая власть принадлежит Собору Епископов, которые управляют Церковью самостоятельно. Но эта временная автономия не разорвала нешвенного хитона Тела Христова.

Русские пастыри и паства заграницей всегда оставались неразрывной, духовно-единой ветвью Матери Церкви, распятой на кресте слугами антихриста, восставшими на Христа и Церковь Его. Вдали от родины, отрезанной от нас железным занавесом, мы жили величием мученического подвига верных сынов Церкви, переживали скорби Матери Церкви, как свои, радуясь ее радостями и молясь горячо за страдальцев на родине.

В защиту гонимых, Первоиерарх нашей Церкви, митрополит Антоний, постоянно обращался к главам автокефальных Церквей, к правительствам христианских государств, прося моральной помощи, при каждом новом ударе по Церкви — заключении ли Патриарха Тихона, опасности лже-собора обновленческого раскола и т. д.

Наши епископы являлись частью епископата Российской Церкви, никогда не отделяя себя от него. Они возносили за богослужениями имя Святейшего Патриарха Тихона, до его кончины. Затем имя законного, в силу определения Собора 1917-18 годов, местоблюстителя патриаршего престола, Митрополита Крутицкого Петра, несмотря на многолетнее его заключение, до смерти в ссылке. Глава нашей Церкви, до конца своей жизни, оставался именовался Митрополитом Киевским.

В свою очередь, и Святейший Патриарх, и даже митрополит Сергей, вначале считали нас своими и писали нам за границу.

Но вот, митрополит Сергей, будучи только заместителем Местоблюстителя, неожиданно превышает свою власть, нарушает единомыслие епископата, издает, без рассуждения всех, и вопреки мнению подавляющего большинства иерархов, свою декларацию о единстве интересов Церкви и безбожного правительства. Старейшие иерархи — митрополиты Петр и Кирилл Казанский, осудили этот акт и прервали общение с митрополитом Сергием.

Заграничная часть Российской Церкви последовала их примеру. Собор Архидиееев (окружное послание от 9 сентября 1927 года) постановил: «Свободная часть Российской Церкви прекращает административные сношения с Московской Церковной властью (митрополитом Сергием и его Синодом), ввиду невозможности нормальных сношений с нею и ввиду порабощения ее безбожной властью, лишающей ее свободы в своих волеизъявлениях, и свободы канонического управления Церковью».

Таким образом, раскол в епископате Российской Церкви создал митрополит Сергей. Одни (большинство) пошли путем мученичества, другие — вынужденного соглашательства.

В первые же месяцы легализированного властями церковного управления, начались беспримерные расправы с несогласными, с большинством епископата. Непреклонных, дерзновенно не имея на это никакого права, митрополит Сергей увольняет на покой, запрещает единолично в священнослужении, что дало властям основание для предания их суду, заключение в тюрьму, лагеря и ссылки, где умирали они мучениками за Возлюбившего их.

Такая расправа с епископатам привела к почти полному уничтожению его. Митрополиту Сергию пришлось восстановить заново иерархию. Последние, спасшиеся от разгрома, ушли в катакомбы, то есть в нелегальное существование.

Несокрушимые катакомбные христиане, отрицающие полностью современную Московскую Патриархию, несмотря на страшные и беспощадные преследования, милостью Божией, существуют во множестве и в наши дни, не имея, увы, Единого Священноначалия.

Свободная Русская Церковь осталась духовно и благодатно с мучениками и исповедниками, прославляя их подвиг, видя в нем славу и победу Церкви, в мрачные и кровавые дни разгрома ее.

Бережно храня память о мучениках, желая подражать подвигу их (в не всегда легких условиях жизни за границей), Собор русских архидиееев, сознавая долг свой перед Матерью Церковью, поддержанный священнослужителями и верующими в России, сделал то, что не могли сделать на родине, прославил со святыми всех Новомучеников и Новых Исповедников, вверяя молитвам их судьбу Церкви и России.

Актом канонизации Собор наших архидиееев свидетельствовал о нашей реальной, молитвенной и нерасторжимой связи с ними в Единой Российской Церкви.

Мы, со страхом и трепетом, сознавая свое недостойство, считаем себя родными им, во Христе Иисусе.

Мы стараемся сохранить вне родины то, за что приняли они мученические венцы. И только отказ от мучеников может поставить нас вне Русской Церкви. Да не будет!

Теперь, когда бережно созданный железный занавес начинает разрушаться, мы имеем возможность встречаться и непосредственно общаться с братьями и сестрами на родине и радоваться их непоколебимости и твердости в вере и любви ко Христу. Благодать Божия укрепляет их и посрамляет безбожников.

Верим и исповедуем то, что в храмах Московской Патриархии, в тех из них, в которых священник горячо верит и искренне молится, являясь не только служителем культа, но и добрым пастырем, любящим своих овец, по вере приступающих, подается в таинствах спасительная благодать. Немногочисленны эти храмы на необъятных просторах Русской Земли.

Храмы катакомбных христиан, братьев наших, в которых совершают богослужения священники, сохранившие каноническую преемственность от принявших мученические венцы, истинных архипастырей Церкви, еще более малочисленны и недоступны широкой массе верующих.

Вот почему обращаются к нам священники и верующие из России с просьбой покрыть их омофором, дать им благодать. Пастырская совесть говорит нам, что мы не только можем, но и должны помочь им, испытывая каждый раз причины, побудившие их обратиться к нам. Однако, приступаем мы к этому новому служению с большой осторожностью, возлагая надежду на помощь Божию, ибо невозможное человеку, возможно Богу. Не знаем мы еще насколько демократизировалась советская власть и насколько реальна перестройка.

Мы же со своей стороны готовы протянуть руку нуждающимся в нашей помощи, если благословит Бог.

Создадим ли мы этим раскол в Церкви, как думают и говорят некоторые, не понимающие благодатной жизни Церкви? Они, очевидно, забыли или не знают того, что раскол в Российской Церкви создан, уже шестьдесят три года назад, митрополитом Сергием и его последователями.

Страшные последствия декларации Московская Патриархия не изжила и в наши дни, потеряв внутреннюю свободу Церкви, грубо нарушая 30-е апостольское правило и решительно и бесповоротно стоит на этом пагубном пути даже теперь, когда во всех слоях общества освобождаются от грехов, лжи и лицемерия прежних десятилетий.

В свое время, в церковное управление Московской Патриархии влились бывшие обновленцы, они внесли модернизм и чрезмерное увлечение экуменизмом.

Стоит перед нами и следующий вопрос: может ли иерархия Русской Православной Церкви Заграницей иметь своих епископов в России, на русской земле? Мы думаем и верим, что не только может, но и должна. Ведь русская земля не является для русских епископов территорией чужой автокефальной Церкви. Огромны просторы России, в которых миллионы верующих остаются без священников, без благодатного окормления. Мы получаем множество писем от верующих, страдавших без духовной пищи, в которых они умоляют нас дать им священников. Подобно нищему, они просят дать им хлеба духовного и можем ли мы, в их протянутые к нам руки, положить камень безразличия и равнодушия? Да не будет! Наш долг сделать все возможное, чтобы утолить их духовный голод.

Московская Патриархия, очевидно, не может сделать этого, и потому не имеет права воспрепятствовать нам.

Никто не знает, что ждет еще нашу родину, какие перемены произойдут в ближайшее время в ее жизни. Пока открыта только щель, возможно временно, и мы должны воспользоваться ею, а остальное в руках Божиих, ибо Бог наш — Бог творящий чудеса. Да будет Его святая воля.

3/16 мая 1990 года

Председатель Архиерейского Собора
Митрополит ВИТАЛИЙ

Члены Архиерейского Собора:

Архиепископ	АНТОНИЙ, Л. А.	Епископ	АЛИПИЙ
Архиепископ	АНТОНИЙ, З. Е.	Епископ	МАРК
Архиепископ	АНТОНИЙ, З. А.	Епископ	ЛАЗАРЬ
Архиепископ	ПАВЕЛ	Епископ	ИЛАРИОН
Архиепископ	ЛАВР	Епископ	КОНСТАНТИН

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

ВСТАВШИЙ ИЗ ГРОБА ВАМПИР

Румыны вполне уместно своего покойного диктатора называли (а за ними и Запад тоже) *Дракулеску*. Он поистине был вампиром и сосал кровь своего народа. Но вампира, ведь известно, мало убить: ему надо забить в сердце осиновый кол. Этого, как видно, не сделали. И вот он возродился, только под другим именем: он теперь не Чаушеску, а Илиеску.

Как поэтически выражается Ж. Эзеби в «Фигаро» от 20 июня: «Коммунизм в Румынии возродился из пепла своего Феникса, Чаушеску». К чему он меланхолически, но правильно добавляет, что гадуки живучи, и убивать их нужно с толком.

О нынешнем перевоплощении расстрелянного (поделом!) кондуктора, в парижской газете «Котидьен», Ж. Дюпуа выражается следующим образом: «В шкафах у господина Илиеску спрятано немало трупов, — там хранятся низости, сделки с совестью, обманы, преступления, — которые и позволили ему дорваться до власти». Что ж, таковы счета у любого видного коммуниста, в любой стране.

Французский журналист справедливо констатирует, что Илиеску украл революцию у сделавшей ее молодежи и за ее спиной восстановил прежний коммунистический режим (перемена названия партии его, естественно, ни к чему не обязывает). Путем соглашения с ненавистной народу *Секуритате*, он обеспечил себе совершенно неправдоподобное большинство голосов на выборах (85 процентов!). Сии махинации весьма убедительно разоблача-

ла уже в «Фигаро» известная диссидентка Дойна Корня: в деревнях на месте, на командных постах, остались прежние люди, и запуганные ими крестьяне голосовали так, как они им велят.

Конечно, ничем нельзя оправдать трусость и темноту мужиков, давших себя одурачить. Грустно и страшно за нацию, потерявшую своих лучших сынов в революции, которая оказалась бесполезной: хитрые прохвосты из номенклатуры превратили ее, укрывшись за кулисами, в свою комбинацию, обеспечившую им теплые местечки.

После выборов Илиеску обнаглел, и сейчас расправляется со своими противниками при помощи продавшихся ему шахтеров, которым платят тройное жалование за их подвиги. По отзывам газет, они ведут себя в отданном им Бухаресте как оккупационные войска в завоеванном городе. Редакции оппозиционных журналов разгромлены и разграблены, опасные с точки зрения правительств люди избиты, больше тысячи брошены в тюрьму.

Запад, сперва рукоплескавший Фронту Национального Спасения, сегодня с отвращением от него отворачивается.

Но сочувствие Запада еще никому и никогда всерьез не помогло на Востоке...

Ошибка румынских патриотов явилось не довести переворот до конца. Самого Илиеску и его клику нужно было тогда же повесить, а компартию и политическую полицию распустить и ликвидировать под корень.

Ко власти же их допускать и на

версту не следовало! Увы, борцы за свободу, храбрые, но политически не подкованные, думали, очевидно, что это — навремя, на момент...

Роковой промах! Недобитые вампиры, большие и маленькие, оказались подлинно *немертвыми*, как в жутких сказках фольклора, и вцепились ныне прочнее, чем никогда, в загравок своей несчастной страны.

Впрочем, так ли уж прочно? Опыт наглядно показал, что силы тьмы не непобедимы: когда их называют по имени, они пугаются; когда их бьют в лоб, они отступают, и их твердыни рушатся.

Будем надеяться для Румынии на вторую, более радикальную революцию! Такую, которая осуществит лозунг, вырвавшийся во дни сражений в Тимишоаре и в столице из самых сердец угнетенных масс: «Comunismul jos! — «Долой коммунизм!»

Ж. Дюпуа, которого мы уже цитировали выше, оптимистически считает, что, хотя положение дел в Румынии покамест в точности вернулось к исходному пункту волнений, к царствованию Чаушеску, теперешний режим стоит на пороге гражданской войны, и дни его сочтены.

Дай-то Бог!

Но не забудем, что за Илиеску стоит фригура Горбачева, готового его во всем и всегда, чем может поддержать. Однако, опять же: дорого ли эта поддержка в наши дни стоит? Не поддержит ли она в конечном счете, румынских вурдалаков на манер того, как веревка поддерживает повешенного!

ВЛАДИМИР РУДИНСКИЙ

НЕМЕЦКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА

В последнее время в нашей стране учащается критика темпов перестройки. Например, в «Московских Новостях», от 22 апреля, народный депутат СССР Николай Травкин, в статье «От перестройки к нормальной жизни», прямо говорит: «Ни один здравомыслящий человек не станет, например, утверждать, что капитальный ремонт — нормальное состояние жилища. Мы же за пять лет, прошедших с апреля 1985 года, вроде бы свыклись с мыслью, что перестройка — нормальное состояние общества... Совершается коварная подмена: средство превращается в цель, точнее — в самоцель».

Такой ход мыслей вполне оправдан, и не только простой логикой, но и наглядным опытом других стран. Самым категорическим опытом в области перестройки является немецкая перестройка. Прошло всего лишь пол года, с тех пор, как пала берлинская стена и началась эта перестройка, как уже окончился ее первый, учредительный этап в экономической области. Конечно, остается еще осуществить стройку, или отстройку восточно-германской экономики, но сама перестройка фактически уже полностью определилась.

Оставляя в стороне политическую перестройку, которая должна закончиться выборами в конце этого года в обеих частях Германии народных представителей в Бундестаг, будет не безынтересно для русских читателей ознакомиться с юридическим определением и оскорблением немецкой экономической перестройки. Таковые содержатся в

«Государственном договоре между ФРГ и ГДР», состоящим из 38 параграфов. Экономическая перестройка формулируется в основном всего лишь в четырех из них.

В первом параграфе «описаны принципы социальной рыночной экономики». Именно «описаны» (beschrieben) а не провозглашены. Повидимому, считается, что эти принципы укоренены в самой природе вещей. Эти «Prinzipien der Sozialen Marktwirtschaft» особенно определяются (в этом порядке) частной собственностью, соревнованием в области производства, свободным формированием цен и принципиальной полной свободой для спроса и предложения труда, капиталов, товаров и услуг. Для этого, не исключается допущение особых форм общественной (государственной) собственности, в той мере, поскольку это не будет дискриминацией частных лиц, являющихся «носителями права».

Десятый параграф устанавливает правила для достижения «валютного союза» между двумя немецкими государствами и для обеспечения крепкой валюты вообще. Они направлены в первую очередь на предотвращение инфляции и на усиление экономического соревнования (конкуренции). Оказывается, что предпосылкой для такой «валютной направляемости» (monetäre Steuerung) является независимость Немецкого Бундесбанка от указаний правительств ФРГ и ГДР во всех вопросах касающихся выпуска денег и кредитного снабжения. Получается, что пресло-

вутая «направляемость» в экономике, в действительности должна выражаться в неподчинении никаким правительственным указаниям в области денежного и кредитного обращения! Кроме того, в этом параграфе указывается на необходимость создания банковской системы, оперирующей на основании конкуренции между частными, кооперативными и общественно-государственными банками, при свободных рынках для денег и для капиталов и без регулирования процентов.

Параграф одиннадцатый говорит о экономическо-политических фундаментах, опять же в рамках «рыночного порядка». Развитие «рыночных сил» и укрепление частной инициативы необходимы для создания новых «модерных мест работы» и «широкого базиса средних и мелких предприятий, а также и свободных профессий». Не забывая при этом защиту природы.

И, наконец, двадцать шестой параграф Договора предусматривает структуру государственного бюджета. Весь смысл этой структуры сводится к запрещению введения в госбюджет субсидий, особенно для промышленных продуктов. Земледельческие продукты и продукты питания могут получать субсидии только в размерах установленных Европейским Союзом. Из госбюджета исключается ряд расходов, в том числе и финансирование предприятий. Последние должны действовать самостоятельно, путем их превращения в юридически и экономически независимые единицы, но на свой счет.

П. Несторов

П. Савельев

ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ КОПЫТОМ

Ездить в Россию для ведения патриотической работы русские национальные организации Зарубежья несомненно должны. Однако с одним непреложным условием: они не имеют права брать с собою лиц готовых пресмыкаться перед советскими журналистами, лиц самозванно компрометирующих организацию в чьих рядах они состоят, лиц страха ради иудейска создающих у наших соотечественников на родине ложное представление о русской политической эмиграции.

Так, полезная в целом поездка в Россию Восточно-Американского Отдела Организации Российских Юных Разведчиков была омрачена возмутительными публичными заявлениями одного из ее представителей. Выступая от имени ОРЮР, некто Георгий Лукьянов в интервью московской газете «Мегалополис-Экспресс» (№ 9, стр. 3) изрек: «Мы вовсе не хотим возврата к прошлому, к монархии. Мы хотим движения вперед».

Спрашивается: кто уполномочил Г. Лукьянова говорить «мы» от имени сотен членов заслуженной организации, имеющей отделы в нескольких странах Зарубежья? Как мог он выдавать за правду весьма сомнительную отсебятину, не совершив предварительного опроса политических взглядов всех скаутов русского рассеяния? Или он побоялся, что, действительно, большинство выскажется «против возврата к прошлому», но подразумеваемая под прошлым феодализм и керенскую демократию? Кто давал ему право, говоря «мы» от имени ОРЮР, повторять в России советскую фальшивку будто монархия равнозначна прошлому и, следовательно, мол, реакции?

Еще философ И. А. Ильин подчеркивал, что «нет ничего нелепее и несправедливее, как утверждать, будто монархия означает реакцию, а республика — прогресс; такое утверждение заставляет всегда подтвердить вопрос о самом утверждающем: *сознательно ли он говорит неправду или является жертвой собственной необразованности?*» («Монархия и республика», Нью Йорк 1979, стр. 114).

Но мало того. Подобострастно заискивая перед советским журналистом, Г. Лукьянов заявляет: «Даже князь Голицын — и тот не монархист, и, кстати, не любит, чтобы его называли князем». Если только и здесь Лукьянов не искажает истину, то он оказывает князю Голицыну, одному из участников поездки, медвежью услугу. Разумеется, нечего кичиться титулом, но и наоборот, стыдиться княжеского звания, овеянного русской исторической славой, мог бы лишь некий Иван не помнящий родства.

На протяжении всего интервью, Г. Лукьянов не нашел в себе мужества подвергнуть ни малейшей критике советскую власть или коммунизм. Но лягнуть поверженную российскийскую корону ему смелости хватило. Бог ему судья!

П. Савельев

Каждая новая подписка на «Нашу Страну» увеличивает возможности пересылки газеты нашим соотечественникам в Россию.

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

ЕЩЕ О ПАМЯТИ...

О памяти без кавычек и без прописной буквы, то есть не об обществе "Память", а о нашей памяти вообще. Что мы помним, как помним. Вернее сказать, что нас принуждает помнить — хочешь не хочешь.

Мне в руки попала книжка (к сожалению, 1978 года издания, была бы поновее, сколько нового материала дала бы она!) под названием "Память, высеченная в камне". Речь в общем-то пойдет не о книге, и эта заметка — вовсе не рецензия на книгу. Речь пойдет о раздумьях, которые эта книга вызывает.

В книге перечислены все мемориальные доски, установленные на зданиях города Москвы, древнейшего, как известно, города. Во всяком случае, его восьмисотлетие мы отмечаем вскоре после войны, в 1947 году. Теперь у нас на дворе год 1990-й. Значит, все существование Москвы можно разделить на два неравных периода: "до" и "после". 770 лет и 73 года. Проходили десятилетия и века, бурлили события. Москва росла и развивалась как культурный и исторический центр. Москва была душой России. Есть что вспомнить, есть что отметить памятными (мемориальными) досками. Скажу сразу: их в Москве более шестисот. Так вот, из этих шестисот памятных мест Москва накопила за 770-лет около 40 памятных мест, а остальные 560 — за последние 73 года. 40 и 560 — не правда ли, впечатляющее соотношение.

66 (шестьдесят шесть) мемориальных досок посвящены В. И. Ленину.

Курский вокзал, платформа номер 1. "Владимир Ильич Ленин 6 марта 1897 г. выехал с Курского вокзала в Сибирь".

Улица Фрунзе, 6. Одно из зданий Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. "Владимир Ильич Ленин в августе 1893 г. и в феврале 1897 г. занимался в библиотеке Румянцевского музея".

Улица Остужева, 14/1. "В марте 1906 года Владимир Ильич Ленин посетил проживавшего в этом доме И. И. Скворцова-Остепанова — видного деятеля коммунистической партии".

Проспект Калинина, 4/22. "В. И. Ленин неоднократно бывал в этом доме у Е. Д. Стасовой..."

Правобережная улица, 6. Химкинская больница номер 1. "Владимир Ильич Ленин в 1918 и 1921 годах посетил находившийся здесь санаторий "Химки".

Товарищеский переулок, 2. Техническое училище номер 43. "Владимир Ильич Ленин... выступал в этом здании на Московской областной конференции работников".

Да, чаще всего так: "выступил", "выступал", "присутствовал", "посетил"... итого — 66 мемориальных досок по всей Москве. Вспомним, что весь дореволюционный период Москвы с ее Пушкиным, Гоголем, Толстым, Герценом, Чайковским, Тургеневым, Ломоносовым, Федоровым-первопечатником, Островским, Суворовым, Грибоедовым... удостоился 40 памятных мест.

Да и то. "На этом месте находился дом, где 3(15) октября 1814 года родился великий русский поэт Михаил Юрьевич Лермонтов".

"Здесь был дом, в котором 26 мая (6 июня) 1799 года родился Пушкин".

"На этом месте находился Печатный двор, где в 1564 году Иван Федоров напечатал первую русскую книгу".

"На этом месте находилось здание

Славяно-Греко-Латинской академии, в которой с 1731 года по 1735 год учился великий русский ученый М. В. Ломоносов".

Это мы любим и умеем: сам памятник уничтожить, стереть с лица земли, а потом установить мемориальную доску: "Здесь находился..." Не так давно я получил письмо из Минска от радетелей за родную (белорусскую) историю. В центре Минска снесли здание первого белорусского (19-го века) театра и тотчас же на этом месте водрузили памятную доску: "Здесь находилось здание..."

Отметим также, что из четырехсот (приблизительно) мемориальных досок, посвященных нашим более или менее современникам, более ста увековечивают память революционных деятелей.

Но эти памятные доски — мелочь по сравнению с вакханалией переименований и наименований московских улиц и площадей. Причем бессмысленность большинства этих наименований уже очевидна, однако продолжает существовать.

Можно ли представить, чтобы сейчас в Москве появилась улица Хонекера либо Чаушеску? Едва ли. Но есть улица Вильгельма Пика, и есть улицы Вальтера Ульбрихта и Георгиу-Дежа. Чем они лучше или хуже Хонекера? Они тоже руководили государствами, были поборниками той же самой системы.

Пожалуй, теперь уже не появится в Москве улица Густава Гусака. Однако улица Клементя Готвальда пролегает по центру Москвы. Не появится и улица Годора Живкова. Но одна из московских стариннейших улиц — Якиманка — носит имя Димитрова, а древнейшая Софийская набережная — имя Мориса Тореза.

Давно уже нет никакого Интернационала, давно уже все поняли, что система, которую насаждал Интернационал, не принесла народам ничего, кроме геноцида, экономических, духовных бедствий, однако совсем недавно в самом центре Москвы открыта мемориальная доска Бела Куну, одному из руководителей Интернационала, кровавому палачу (крымские расстрелы) и врагу человечества.

Существует в Москве улица Куусинена. Когда началась "непопулярная", по выражению Твардовского, Финская война, в Москве было сформировано Финское социалистическое (а проще говоря — советское) правительство во главе с Куусиненом. И если бы война получилась удачной, то этот Куусинен был бы финским Вильгельмом Пиком и Хонеккером, финским Чаушеску, финским Клементем Готвальдом, финским Берутом, финским Матисом Ракоши и т. д. и т. п. Представляете, какого бедствия избежал финский народ! А в

Москве есть длинная улица Куусинена. Каково жить в древнейшем российском городе среди всех этих чудовищных, искусственных, чаще всего уже переживших самих себя, названий? Вспомните хотя бы наименование московских районов. Мы призывали, но ведь это же жуть! В древнейшем-то русском городе. Бабушкинский, Бауманский, Дзержинский, Калининский, Кировский, Куйбышевский, Октябрьский, Первомайский, Пролетарский, Свердловский, Советский, Фрунзенский... Не пора ли опомниться?

В последнее время Ворошиловский и Ждановский стали Хорошевским и Таганским. Прекрасно, но почему только два? Чем Калинин, Свердлов, Фрунзе, Куйбышев лучше или хуже Ворошилова и Жданова?

Иногда говорят: "Но это же история. Ничего уже теперь не поделаешь. Это уже история".

Но какая-то однобокая история. Усиевич — история, а Скобелев — нет. Свердлов — история, а Отолыпин — нет. Зорге — история, а Руднев (капитан легендарного "Варяга") — нет. Наташа Качуевская и Маша Порываева — история, а Вревская (баронесса, ушедшая добровольцем на русско-турецкую войну 1877-1878 гг., погибшая там от тифа, памятник ей стоит в Болгарии) — нет. Наташе Качуевской отдали стариннейший в центре Москвы Скарятинский переулок, а о Вревской никто и не вспомнит. Островитянов — история, а Бунин — нет. Всеволод Вишневский — история, а Куприн — нет. Разин история, а Петр Первый — нет. (Почему бы Ленинградский проспект не назвать проспектом Петра Первого?). Черняховский, Конев, маршал Рыбалко — история, а Багратион, Раевский, Ермолов, Барклай-де-Толли — нет. Дыбенко и Железняков — история, а Брусилов — нет... Список-сопоставление, как сами понимаете, можно продолжать и продолжать.

А все эти красноармейские, краснофлотские, профсоюзные, комсомольские, советские, октябрьские... непрощенные (не только в Москве, но и во всех без исключения городах СССР) Семашко, Луначарского, Урицкого, Володарского, Воробьинского, Войкова, Фабрициуса, Свердлова, Дзержинского, Горького, Калинина, Кирова, Куйбышева, Чкалова, да хотя бы и Гагарина... Я понимаю, что космонавт номер 1, но зачем же в каждом городе? На каждом шагу? Подсчитал бы кто-нибудь сколько в стране названий (городов, поселков, фабрик, больниц, библиотек, школ, площадей, улиц, совхозов и колхозов), связанных с вышеперечисленными именами!

И остаются еще до сих пор изнасилованные в своих названиях Сама-

ра, Тверь, Вятка, Нижний Новгород, Екатеринбург, Царицын, Кенигсберг (Калининград), подмосковные Подлипки (Калининград), Сергиев Посад. А ведь и переименовать в свое время Петербург было равноценным, как если бы сейчас переименовать Киев, Минск, Тбилиси, Ереван, Варшаву, Софию, Париж, Москву... Сейчас это казалось бы абсурдом. Но это и есть абсурд.

И если уж очень хотелось увековечивать свои собственные имена или имена только что скончавшихся создателей нового государства, ну так и строили бы новые города, гидростанции, заводы и комбинаты и давали бы им новые названия, а не тянули бы руки к тому, что было, как говорится, не ими положено.

Говорят одно из препятствий к возвращению исторически сложившихся подлинных названий городам — деньги. Переименования, оказывается, дорого стоят. Но отчего же не возникало этого вопроса, когда все переименовывали направо и налево, не жалея народных денег? Кроме того, сейчас благодаря гласности стало доподлинно известно, что некоторые государства, которые мы продолжаем безвозмездно кормить, обходятся нам по двадцать миллионов долларов в день. Хватило бы, я думаю, на переименование Калинина в Тверь. Так, может быть, позаимствовать из этого и день и ночь хлещущего потока на упорядочение нашей родной топонимики?

Сейчас много говорится о перестройке, о запасах доверия, о том, что оно, доверие (а вместе с тем и терпение), может иссякнуть или, наоборот, укрепиться, а я скажу так. Конечно, это не экономический рычаг, не рыночный фактор, но пока остаются те же лозунги, те же бюсты и памятники, те же названия городов, площадей и улиц, пока процветают на улочных табличках урицкие, володарские, луначарские, воробьевские, готвальды, ульбрихты, дыбенки, железняковы, калинины, куйбышевы и т. д. Пока вторая площадь Москвы вместо Театральной называется именем одного из царевичей, пока существуют станции метро "Шербаковская" или "Войковская" (именем прямого участника царевичества), пока в центре Москвы на месте прекрасного старинного фонтана стоит "железный Феликс", к которому и подойти-то нельзя, — до тех пор мы не можем сказать, что общественный климат действительно меняется, что мы и правда опомнились, и ко всем заверениям приходится относиться с долей неверия.

Великое дело, что новый Патриарх всея Руси служил в Исаакиевском соборе, что однажды состоялось богослужение в Успенском соборе Кремля, что возвратили верующим много храмов, что возвратили одному городу его подлинное имя — Владикавказ, даже такая мелочь, что я пишу эту статью и надеюсь увидеть ее опубликованной...

Но мемориальная доска Бела Куну продолжает висеть в самом центре Москвы, но богослужение в Успенском соборе было лишь одноразовым, но улицы Вильгельма Пика и Вальтера Ульбрихта существуют, но живу я по-прежнему во Фрунзенском районе и в издательство езжу в Свердловский район, но с восстановлением Храма Христа Спасителя мы бьемся как рыба об лед...

Так опомнились мы или нет?

ВЛАДИМИР СОЛОУХИН

Волею Божией 4 июля с. г. в пригороде Буэнос Айреса скончалась

ЗИНАИДА ФЕДОРОВНА МАРТЬЯНОВА

о чем с прискорбием сообщает семья Казанцевых и выражает свое сердечное соболезнование мужу и родственникам покойной.

Религиозно-монархический журнал

« П Р Е С Т О Л »

Писать по адресу: Москва 103063, К-62. До востребования. Александру Закатову.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

ПРОГРЕСС ПРИ ЦАРЕ

Нам пишут из Риги:

Газета «Советская молодежь» опубликовала статью Дмитрия Губина, согласно которой при последнем царе российская экономика шла вперед семимильными шагами. Автор задает риторический вопрос: «Действительно ли страна в 1917 году нуждалась в замене хозяйственного механизма?» И отвечает: «Сошлюсь на данные бельгийского исследователя Мишеля Драшусова: в 1913 году Россия занимала 4-е место в мире по производству механических конструкций, 6-е — по добыче угля, 5-е — по производству стали и цемента. С 1890 по 1913 год производство в тяжелой промышленности возросло на 74,1%; протяженность железных дорог с 1890 по 1915 год возросла с 28 тысяч до 68 тысяч километров. Русское зерно в урожайные годы составляло 40%, а в неурожайные — 11% мирового экспорта. Россия начала XX века прогрессировала в американском темпе, и кривые ее экономического роста повторяли американские».

Н. МИХАЛКОВ О ЦАРЕ

Нам пишут из Москвы:

Знаменитый кинорежиссер Никита Михалков опубликовал в газете «Известия» статью, в которой призвал к покаянию и указал, что начинать это покаяние «нужно с самого начала; будь у меня власть, я бы начал с перезахоронения в Петропавловскую крепость в фамильный склеп останков семьи Романовых, зверски расстрелянных без суда и следствия». Михалков отметил затем, что были «расстреляны все: и врач, и прислуга, и женщины, и малолетний наследник. Но не может быть на свете идеологии, которая стоила бы жизни хоть одного ребенка. Это мое глубокое убеждение. И перезахоронение семьи Романовых должно стать актом покаяния, началом нравственного возрождения».

Никита Михалков сказал затем, что догадывается «сколько ироничных улыбок, шуток, а может, раздражения и даже озлобления вызовут мои эти строки у многих читателей, поскольку в стране множество тяжелых нерешенных проблем. Дескать, с царской семьей ли надо начинать... И все же я до конца убежден в справедливой необходимости именно этого акта — он снимет с нас тяжелый грех, и мы ошутим это почти физически».

Прославленный кинорежиссер написал также, что «мы так много говорим теперь о демократии, не всегда понимая, а может быть, и не желая понять, что демократия была и в России, но только иная: равенство перед единым Законом Божьим. В храме перед этим законом и Государь, и сапожник, и нищий были равны. И ответственность их перед этим законом была равной. Неравенство их начиналось вне храма, а в храме было равноправие. Потому-то равен-

ство, которое принесла революция, можно было достичь, только истребив равноправие существовавшее в храме, а заодно и сам храм».

По мнению Михалкова «нужно знать свою историю, чувствовать ее уникальность и стараться восстановить с ней порванную связь; необходима реставрация корневой системы нации». У русских людей, — написал кинорежиссер, — «отняли историю отчизны... Но в разрушении нет спасения. А созидания без святости не бывает».

Михалков указал и на то, что «Чернобыль, поразивший русские души, начался не с 26 апреля 1986 года, он начался много раньше: с тотального насилия, с уничтожения казачества, культуры, крестьянства, храма Христа Спасителя и еще тысячи памятников архитектуры и духовности, с сооружения Беломорканала и всеобщей индустриализации, коллективизации — вот где начало Чернобыля и наших сегодняшних бед. Более того, истоки многих из них следует искать еще в деятельности Петра I».

СТАТЬЯ И. МАСТЫКИНОЙ

Нам пишут из Москвы:

Газета «Московский комсомолец», сообщила, что каждое воскресение у горельефа храма Христа Спасителя в Донском монастыре верующие принадлежащие к Истинно Православной Церкви совершают молебен «благочестивому Царю Николаю». Затем, описывая открывшуюся в Москве выставку «Царский Архив», организованную обществом «Радонеж», сотрудница газеты Ирина Мастыкина утверждает, что Великие Княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия «были совершенны: полны царственного очарования, душевной щедрости, доброты ко всем без исключения. Наследственность! Вель, как известно, сам Николай II был чрезвычайно мягким, скромным, чутким и деликатным человеком, он был, бесспорно, неординарной личностью».

Далее газета приводит слова Леонида Болотина, вместе с Валерием Архиповым собравшим коллекцию царских фотографий и откровение: «Злодейское убийство членов семьи Романовых — это тот самый узел, что связывает нашу жизнь. И без церковного покаяния мы не сможем жить дальше. Но во многих его еще надо пробуждать. Само же покаяние произойдет, когда наша Церковь признает Николая II и его семью мучениками. Поскольку канонизация за рубежом уже совершена, нам остается только согласиться с ней. Наши же церковные власти пока на это не решаются... Понять их можно: не так просто противостоять атеистической гражданской власти и идти на конфронтацию с ней. Назначение Церкви в соединении, а не

в разобщении людей. Но все-таки душу свою спасти надо...»

И, как это ни невероятно, «Московский комсомолец», вторит этим словам: «Надо. Как спас ее великий российский самодержец Николай Александрович. Он потерял все, но остался верен Богу. Оттого и появилось духовное завещание, переданное из Тобольска весной 1918 года великой княжной Ольгой: «Всем, кто остался мне предан, и тем, на кого вы можете иметь влияние! Не мстите за меня, — говорилось в нем. — Я всех простил и за всех молюсь. Не мстите и за себя и помните, что зло, которое сейчас в мире, будет еще сильнее. Но не зло победит зло, а только любовь».

ОБЩЕСТВО «РОССИЯ»

Нам пишут из Москвы:

Газета «Земщина» сообщила, что здесь состоялась учредительная конференция Российского общества по связям с соотечественниками за рубежом «Россия». Председатель организационного комитета писатель Олег Михайлов во вступительном слове подчеркнул, что в результате Гражданской войны «цвет нашей нации оказался за границей». По мнению Михайлова «необходимо протянуть руку тем, кто не разделяет коммунистических взглядов, углубить связь с Русской Зарубежной Церковью и монархическими организациями». Делегат же из Петропавловска-Камчатского сказал: «Мы умудрились все русское растерять, а вот эмиграция не растеряла». На конференции присутствовало 236 делегатов от 84 общественных организации и творческих союзов. Сопредседателями общества «Россия» избраны О. Н. Михайлов, поэт М. И. Ножкин и главный редактор «Роман-газеты» В. Н. Ганичев.

ДИСКРИМИНАЦИЯ

Нам пишут из Вашингтона:

Конгресс США принял законопроект лишающий этнически русских статуса беженцев. Новый закон признает факт преследований и, таким образом, автоматически признает статус беженцев за евреями, христианами евангелистами, украинскими католиками, украинскими православными, покидающими СССР, но не за русскими. Конгресс Русских Американцев пытался настоять на том, чтобы все восточные православные были включены в общую группу, но ни один член Конгресса США не решился поддержать эту инициативу.

Сенат провел немного лучшую версию этого закона, предоставляющую американскому президенту и его администрации возможность давать беженский статус и другим группам граждан СССР, которые также могут считаться преследуемыми.

« Т У М О Н Д С . Р . Л . »

Новое туристическое бюро.
Групповые и одиночные поездки во все концы мира.
Турне. Конгрессы. Съезды.
Говорят по-русски. Обращаться к Евгении Николаевне
Меньшиковой.

Адрес: Lavalle 636, 2º — of. 2, Capital. Tel. 322-2232.

Монархическая этнография

ЕРМАК И ОСТЯКИ

У остяков, которых подсоветские источники именуют хантами, сохранилось такое предание об Ермаке (читатель может его найти в книге «Сказки народов Севера», выпущенной в Ленинграде, в 1959 году):

Ермак подружился с хантыйским князем и сказал ему: «Я вот все думаю: живем мы здесь, в темных лесах, а ведь есть у нас царь-хозяин земли русской. Людей, живущих помимо воли царя, не должно на Руси быть. Я думаю дать тебе, князь, совет: надо вам, хантам, принять веру русскую». После всяких споров и перипетий, князь согласился:

«Подумал князь, и говорит:

— Теперь будем совершать клятву. Но прежде чем поцеловать твою саблю, мне нужно условиться с тобою кое о чем. Я так думаю, урус: твою саблю я поцелую, но только с таким условием: пусть мой народ будет жить и впредь также в здешних местах, как жил до сих пор; пусть будет так, чтобы его не призывали в солдаты... При этом условии, я приму клятву. Но чтобы не было никакого обмана, ни с моей, ни с твоей стороны».

Ермак говорит:

«Это правильно ты говоришь, мне нравится. Но к этому я хочу добавить, и если тебе понравится, слушай. Народ твой воевать не будет. Но народ твой будет платить царю подать. Люди твои будут называться не «ясашными», а «вольноданцами», поскольку вы подчинились добровольно».

Ермак Тимофеевич сел писать договор. Написал все так, как они договорились с князем. Оба подписали договор. Затем Ермак поцеловал саблю князя, а князь поцеловал саблю Ермака».

Царское-то правительство такие условия и выполнило. Ну, советское, то нарушило их, как и все остальные, какие с кем были. При нем-то все должны были воевать за его гнусные цели насаждения коммунизма по всему земному шару; включая и остяков (которых было примерно 18.000, согласно переписи до издания вышеупомянутой книги).

Гамид Садыкбаев

ФОНД ИЗДАТЕЛЬСТВА ИМЕНИ И. Л. СОЛОНЕВИЧА

В «Фонд издательства имени Ивана Лукьяновича Солоневича» поступили следующие суммы:

от Л. Апанасевича — 13,60 ам. долл.,
от о. Бориса — 10.- ам. долл., от О. М. и Г. М. Некрасовых — 46,80 ам. долл., от Н. Коняева — 50.- фр. франков, от Н. В. Казаковой — 200.- австралийских долл., от И. Д. Лугового — 20.000.- австр., от О. Г. Кудиновой — 300.- нем. марок, от А. В. Верховской — 30.- ам. долл., от о. Моисея — 12,40 ам. долл., от М. А. Абрамова — 100.- ам. долл., от В. В. Зарубина — 290.- нем. марок, от Ю. В. Гансона — 100.- ам. долл., от Е. Т. Ефременко — 50.- ам. долл., от М. Смородина — 40.- ам. долл., от В. И. Р. — 1000.- ам. долл., от Л. Петрович — 120.- ам. долл., от А. Д. Шилленка — 50.- ам. долл., от о. Митрофана — 200.- ам. долл.